

АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВ

0000-0001-5342-3945

Тверской государственный университет
Кафедра истории и теории литературы
170002 Тверь
Проспект Чайковского, 70
poetics@yandex.ru

СТРАСТЬ ВЛИЯНИЯ: ПОЭТИКА ИОСИФА БРОДСКОГО В КНИГЕ СТИХОВ АНДРЕЯ ДРАГУНОВА *MONOLOGICA* (2002)

A PASSION OF INFLUENCE: JOSEPH BRODSKY'S POETICS IN ANDREI DRAGUNOV'S BOOK *MONOLOGICA* (2002)

В статье рассматриваются элементы чужой поэтики в стихах Андрея Драгунова. В книге *Monologica* приемы Иосифа Бродского обнаруживают себя на разных уровнях текста (ритм, синтаксис, лексика, мотивика, топика). Если автор не осознает это как заимствование, то читатель видит здесь ритмический, стилистический, идеологический облик чужой оригинальности. Новый поэт как бы присваивает себе чужое слово, и этот другой голос «вовсе не входит в замыслы подражающего» (Михаил Бахтин). В ходе сопоставления стихов двух поэтов мы приходим к выводу, что чужая форма стала для Драгунова единственным и универсальным способом высказывания, сохраняющим признаки эстетического образца и стилистического шаблона.

Ключевые слова: влияние, подражание, стиль, Иосиф Бродский, Андрей Драгунов.

The article deals with the absorption of another writer's poetics in Andrei Dragunov's poetry. In Dragunov's *Monologica* elements of Joseph Brodsky's poetical method manifest themselves on various textual levels (rhythm, syntax, vocabulary, motifs, topoi). While the author may not consider it a form of borrowing, the reader is well aware of the other poet's rhythmical, stylistic and ideological influence here. The younger poet seems to have directly appropriated the "alien discourse", and another's voice is not presupposed "in the imitator's plan" (Mikhail Bakhtin, based on C. Emerson's translation – *Ed.*). By comparing the two poets' verses, the author comes to the conclusion that for Dragunov the borrowed form has become the sole and universal vehicle of expression, preserving the characteristics of the aesthetic norm and stylistic model.

Keywords: influence, imitation, style, Joseph Brodsky, Andrei Dragunov.

В книге *Страх влияния* Харолд Блум пишет о литературном влиянии как о борьбе последователя с предшественником. Любой поэт зависим от творивших ранее, но хочет эту зависимость преодолеть. Восхищение Другим переходит в беспокойство, рождая протест. Последователю кажется, что великий предшественник уже сказал все, что хотел и хочет сказать он сам. Это и есть «страх влияния». Тревожная ситуация должна разрешиться ответом на «вызов», порождая сильные и слабые голоса. «Сила проявляется в актах освоения, присвоения, преобразования чужого, слабость – в актах почти-тельно-пассивной идеализации, благодарной конформности»¹.

Историю поэзии, по мнению Харолда Блума,

творят сильные поэты, когда они, движимые стремлением расчистить пространство для своего воображения, перечитывают друг друга. Меня интересуют, – заявляет он, – только сильные поэты, главные герои истории поэзии, выбирающие борьбу со своими предшественниками не на жизнь, а на смерть².

Поэт, о котором пойдет речь, не принадлежит к числу таких борцов³. Он не соперничает с предшественником, не «перечитывает» его, чтобы, подвергнув «ложной интерпретации», сделать собственным предтечей. Напротив, он настойчиво и последовательно воссоздает ритмический, стилистический, идеологический облик чужой оригинальности. Новый поэт как бы присваивает себе чужое слово, и этот другой голос «вовсе не входит в замыслы подражающего»⁴. Другим голосом в данном случае оказывается голос Иосифа Бродского.

Вот фрагмент из стихотворения *Monologica*, которое дало заглавие всей книге⁵:

¹ Т. Венедиктова, *Кто боится Гарольда Блума*, «Иностранная литература» 2018, № 5, с. 262.

² Х. Блум, *Страх влияния: теория поэзии. Карта перечитывания*, пер. с англ., сост., примеч., послесл. С. А. Никитина, Екатеринбург: Издательство Уральского университета 1998, с. 11.

³ На литературном ресурсе «Сетевая словесность» в автобиографической справке читаем: «Драгунов Андрей Вячеславович, родился 22 июня – не 41-го, в городе Волжском, на берегу великой (?) реки, где и проживаю... Окончил 8 классов совершенно средней советской школы, затем актерский факультет училища искусств. Работал актером и завлитом в разных театрах страны, журналистом и редактором в различных изданиях, служил гл. редактором городского телевидения и радио. Ушел на покой. В силу разных медицинских обстоятельств сижу дома. Пишу. Выпустил несколько книг стихов и прозы». А. В. Драгунов, *От автора*, [электронный ресурс] <https://www.netslova.ru/dragunov/> [01.09.2018]. Отзывы критиков о стихах А. Драгунова нам найти не удалось.

⁴ М. Бахтин, *Проблемы поэтики Достоевского*, Москва: Советский писатель 1963, с. 254.

⁵ Выбор книги *Monologica* в качестве материала исследования объясняется тем, что именно эту книгу А. Драгунов подарил автору статьи, тем самым придав ей статус законченного художественного целого. Нужно сказать, что в других книгах Драгунова влияние Бродского ничуть не меньше.

I

Представь, что Твое распятие лишь вымысел и уловка,
 чтобы Отцу не нянчить внуков в семейном кругу,
 чтобы не собираться за чаем, ведь так неловко
 беседовать о великом, даже когда в саду
 тихо, но где-то дети с кошкой или собакой
 пробуют докопаться до глины, но лишь листва
 им попадает в руки – новой кирпичной кладкой,
 не раскрывая тайны – им достаются слова.
 Или они из *Lego* строят тот самый город,
 складывают из кубиков что-то – по виду дом...
 Представь, что Твое распятие – это улыбка Бога –
 родственника, чтобы было о чем говорить потом⁶.

12-стишие 5-ударного вольного дольника состоит из трех катренов с перекрестной рифмовкой. Первые два образуют сложную синтаксическую конструкцию, чьи части не всегда совпадают со стиховыми рядами (enjambement). Подобным образом организовано восьмистишие из *Новой жизни* Бродского. Причем, по своему коммуникативному типу оба стихотворения апеллятивны:

Представь, что война окончена, что воцарился мир.
 Что ты еще отражаешься в зеркале. Что сорока
 или дрозд, а не юнкерс, щебечет на ветке «чирр».
 Что за окном не развалины города, а барокко
 города; пинии, пальмы, магнолии, цепкий плющ,
 лавр. Что чугунная вязь, в чьих кружевах скучала
 луна, в результате вынесла натиск мимозы, плюс
 взрывы агавы. Что жизнь нужно начать сначала⁷.

Тексты различаются по тематике, но их форма говорит о сходстве авторских стилей, имеющих генетическую связь.

Помимо ритма и синтаксиса стихи Андрея Драгунова содержат лексические, мотивные, структурно-семантические признаки чужого влияния:

Если будущее уже наступило – я пас.
 Слишком много татаро-монгольского в памяти живо,
 чтобы видеть лицо только в профиль, минуя анфас.

⁶ А. Драгунов, *Monologica: стихотворения*, Санкт-Петербург: Геликон Плюс 2002, с. 12. Далее цитаты из стихов А. Драгунова приводятся по этому изданию с указанием страницы в скобках.

⁷ И. Бродский, *Сочинения Иосифа Бродского*. В 7-ми томах, общ. ред. Я. А. Гордина, Санкт-Петербург: Пушкинский фонд 2000–2001, т. 4, с. 48. Далее цитаты из стихов И. Бродского приводятся по этому изданию с указанием тома и страницы в скобках.

И судить об увиденном искренно и торопливо –
 это как по реке не скажешь – кто в ней лежит.
 Разве только какой-нибудь злой на судьбу археолог
 на рыбалке поднимет костяшку – и будет открыт
 им новый культурный слой и на стену приколот,
 как букашка иглой, чтоб потом со стекла соскрести
 мокрой тряпкой следы пребывания в доме чужого.
 И на свалку из дома ненужные вещи сvezти –
 забывание – суть зарождения пространства другого,
 которое длится немислимо долго – подчас.
 Иногда – бесконечно... И кто-то спешит отписаться,
 чтобы было потом что не вспомнить, как если б сейчас
 предложили – не жить! И с единственной жизнью расстаться...
 Я не буду жалеть, что нет места в грядущем – я там,
 ведь слова долговечнее жизни и несколько старше –
 дней на шесть, я так думаю. Это ведь Он там сказал,
 что сначала слова, а потом уж моление о Чаше (с. 17).

Начало и финал стихотворения, где говорится о наступлении будущего и месте в нем лирического «я», отсылает к размышлениям лирического героя Бродского:

Грядущее есть форма тьмы,
 сравнимая с ночным покоем.
 В том будущем, о коем мы
 не знаем ничего, о коем,

по крайности, сказать одно
 сейчас я в состоянии точно:
 что порознь нам суждено
 с тобой в нем пребывать, и то, что

оно уже настало – рев
 метели, превращенье крика
 в глухое толковище слов
 есть первая его улика – [...]
 (*Пень без музыки*; 2, 384–385).

[...] я мог, казалось бы, догадаться,
 что будущее, увы, уже
 настало. Когда человек один,
 он в будущем, ибо оно способно
 обойтись, в свою очередь, без сверхзвуковых вещей,
 обтекаемой формы, свергнутого тирана,
 рухнувшей статуи. Когда человек несчастен,
 он в будущем.

(*Посвящается Джироламо Марчелло*; 4, 111).

Вид в профиль, о котором упоминается в третьей строке, – характерная для Бродского форма зрительного восприятия объекта:

Потерявший изнанку пунцовый круг
замирает поверх черепичных кровель,
и кадык заостряется, точно вдруг
от лица остается всего лишь профиль;
(*Литовский дивертисмент*; 2, 419).

Повернись ко мне в профиль. В профиль черты лица
обыкновенно отчетливее, устойчивее овала
с его блядовитыми свойствами колеса:
склонностью к перемене мест и т. д. и т. п. Бывало [...]
(«Повернись ко мне в профиль. В профиль черты лица...»; 3, 263).

Заглянем в лицо трагедии. Увидим ее морщины,
ее горбоносый профиль, подбородок мужчины.
(*Портрет трагедии*; 4, 104).

Что касается открытия археологом нового культурного слоя, то этот мотив скорее всего заимствован из стихотворения «Только пепел знает, что значит сгореть дотла...»:

Мы останемся смятым окурком, плевком, в тени
под скамьей, куда угол проникнуть лучу не даст,
и слежимся в обнимку с грязью, считая дни,
в перегнутой, в осадок, в культурный пласт.
Замаравши совок, археолог разинет пасть
отрыгнуть; но его открытие прогремит
на весь мир, как зарытая в землю страсть,
как обратная версия пирамид (3, 305).

Мысль об уязвимости насекомого («на стену приколот, / как букашка иголкой») и мотив удаления следов, выраженный глаголом «соскрести» («со стекла соскрести / мокрой тряпкой следы пребывания в доме чужого»), находят параллель в следующих стихах:

Бобо мертва, но шапки недолей.
Чем объяснить, что утешаться нечем.
Мы не проколем бабочку иголкой
Адмиралтейства – только изувечим.
(*Похороны Бобо*; 3, 34).

Мы не умрем, когда час придет!
 Но посредством ногтя
 с амальгамы нас соскребет
 какое-нибудь дитя!
 (*Полдень в комнате*; 3, 179).

Метафора отождествления (Валентина Полухина) «забывание – суть за-рождения пространства другого» с глаголом-связкой в 3-м лице множественного числа «суть» напоминает метафору-копулу Бродского⁸: «Страх суть таблица / зависимостей между личной / беспомощностью тел и лишней / секундой» (*Муха*; 3, 287), «...будущее суть панацея от / того, чему свойственно повторяться» (*Примечание к прогнозам погоды*; 3, 302), «Постоянство суть эволюция принципа помещенья / в сторону мысли» (*Элегия*; 4, 50), «Эстетическое чутье / суть слепок с инстинкта самосохраненья...» (*Доклад для симпозиума*; 4, 62), «...она [птица], конечно, / суть трение временного о нечто / постоянное» (*Каппадокия*; 4, 102) и др. Архаическая глагольная форма «суть», употребленная не в единственном числе, как требует норма, а во множественном, «из грамматической ошибки превращается в яркую приметку стихия» и «воспроизводится [...] иногда в подражание [...] другими поэтами»⁹.

К узнаваемым речевым структурам относятся конструкции, в которых возрастающее усиление признака действия связано двойным союзом «чем – тем»: «Чем сильнее боль, тем черней слова...», «Чем черней песок, / тем видней следы» (с. 15), «Чем беззвучнее речь, тем чернее от знаков листы», «Чем чернее листы, тем понятнее голос и звук...» (с. 16), «чем белее вокруг, тем безлюдней и тише в округе», «И морозная речь тем длиннее, чем ближе к подруге» (с. 55). Ср. у Бродского: «Чем тесней единенье, / тем кромешней разрыв» (*Строфы*; 2, 245), «Знал бы Ирод, что чем он сильней, / тем верней, неизбежнее чудо» (*24 декабря 1971 года*; 3, 7), «Право, чем гуще россыпь / черного на листе, / тем безразличней особь / к прошлому...» (*Строфы*; 3, 184), «Чем незримей вещь, тем оно верней, / что она когда-то существовала...» (*Римские элегии*; 3, 232), «Чем доверчивей мавр, тем чернее от слов бумага...» (*Венецианские строфы (1)*; 3, 235)¹⁰, «Чем отчетливей в упор / профиль, пористость, анфас, / тем естественней отбор / напрочь времени у нас»

⁸ По данным В. Полухиной, в его поэзии доля метафор с именительным предикативным составляет 87%, а по количеству метафор-копул (340) Бродский уступает только Хлебникову (около 550), Цветаевой (свыше 500) и Маяковскому (около 350). См.: В. Полухина, *Грамматика метафоры и художественный смысл*, [в:] она же, *Больше самого себя. О Бродском*, Томск: ИД СК-С 2009, с. 184, 186.

⁹ Л. Зубова, *Форма «суть» в поэтическом языке Иосифа Бродского*, [в:] она же, *Поэтический язык Иосифа Бродского*, Санкт-Петербург: ЛЕМА 2015, с. 7.

¹⁰ Данный образ отозвался у Драгунова: «Мавр в силах довериться лишь бумаге...» (с. 15).

(*В горах*; 3, 270), «И чем больше асфальт вне себя от оспин, / тем юбка длинней и острей каблук» («Она надевает чулки, и наступает осень...»; 4, 133) и др.

Столь же характерны синтаксические группы с разделительными союзами «то ли – то ли», выражающими значение взаимоисключения или указывающими на трудность выбора: «То ли место не то, то ли сам дурак, / то ли мертвой воды уже слишком много / утекло...» (с. 47), «То ли что-то не так, то ли время пришло выбирать / между Раем и Адом...», «То ли просто погода, как чья-то смешная игра... То ли правда, что вымысел – ложь...» (с. 49). У Бродского: «То ли дождь идет, то ли дева ждет» (*Песня*; 2, 95), «То ли пулю в висок, словно в место ошибки перстом, / то ли дернуть отсюда по морю новым Христом» (*Конец прекрасной эпохи*; 2, 312), «от / то ли Духа Святого, то ль поднятой пыли дворовой...» (*На смерть друга*; 3, 58), «То ли „любить“, то ли просто „эй“» (*Колыбельная Трескового мыса*; 3, 88), «То ли по льду каблук скользит, то ли сама земля / закругляется под каблуком» («Север крошит металл, но шадит стекло...»; 3, 126), «То ли правнук, то ли прадед в рудных недрах тачку катит...» (*Представление*; 3, 300) и др.

Показательны пояснительные конструкции с союзом «то есть» в сокращенной форме «т. е.»: «... ведь за спрос, обычно, берут лицо, / т. е. – душу – опять меня черт попутал» (с. 47), «Я буду жить в каком-то старом доме, / оставленном хозяином до срока, / т. е. – пустом по факту его¹¹ смерти» (с. 69). Ср. у Бродского: «... тело, забытое теми, кто / раньше его любил, / мраморным. Т. е. без легких, без / имени, черт лица...» (*Полдень в комнате*; 3, 177), «В феврале чем позднее, тем меньше ртути. / Т. е. чем больше времени, тем холоднее» (*Эклога 4-я (зимняя)*; 3, 200), «Синий всегда готов отличить владельца / от товаров, брошенных вперемежку / (т. е. время – от жизни), дабы в него взглядеться» (*Римские элегии*; 3, 228) и др.

Узнаваемы высказывания, утверждающие семиотический характер повседневности. Они строятся на приписывании различным вещам свойств индексальных знаков (*Из собрания примет*):

I

По журчанью воды из крана – узнаешь в какой части
света
сейчас находишься. По положенью вокзала –
о направлении ветра...

II

По белой полоске на безымянном пальце – узнаешь
о сроке
пребывания в браке...

¹¹ В двусложном слове допущена переакцентуация.

III

По отсутствию писем с другой стороны океана –
узнаешь о смерти.

[...]

IV

Я научился разгадывать по облакам на небе погоду
на завтра,

по положению звезд – направление ветра.

По запаху с кухни – что будет на завтрак.

[...] (с. 63).

Эти конструкции напоминают другие – из *Примечаний напоротника*:

По положению пешки догадываешься о короле.

По полоске земли вдалеке – что находишься на корабле.

По сытым ноткам в голосе нежной подруги в трубке

– что объявился преемник: студент? хирург?

инженер? По названию станции – Одинбург –

что пора выходить, что яйцу не сносить скорлупки (4, 71).

Есть в книге *Monologica* большое четырехчастное стихотворение *Последнее путешествие Иосифа* с посвящением – «Памяти Иосифа Бродского» и эпиграфом из Уистена Хью Одена – «Спи, взрослый мальчик, спи крепко...». Состоящее из 24 семистиший, пронумерованных римскими цифрами, оно написано 5-ст. ямбом с рифмовкой аБаБаБа. Этот размер прочно связан для автора со стихами Бродского. Из них выделяются – *Большая элегия Джону Донну*:

V

[...] Окно во двор
твоей квартиры: стол, четыре стула,
какая-то растительность, простор
небесный... Но и тут уснуло
покуда все... [...] (с. 20).

Уснули стены, пол, постель, картины
уснули стол, ковры, засовы, крюк [...]

Уснуло все. Окно. И снег в окне.

[...]

Но спят и там, у всех над головою.

(1, 231–232).

На выставке Карла Вейлинка:

XII

[...]

и часто думаешь – пейзаж или портрет?

Автопортрет в пересеченье веток –

по образу-подобию – секрет

рисунка и залог успеха

у зрителя, который много лет

пытается разрушить... [...] (с. 22).

Почти пейзаж. Количество фигур,

в нем возникающих, идет на убыль...

[...]

Бесспорно, что – портрет, но без прикрас...

[...]

Что, в сущности, и есть автопортрет.

(3, 290–292).

«Осенний вечер в скромном городке...»: ¹²

XVII

Когда один в нешумном городке,
после ¹² отъезда с родины, гуляешь,
вдруг понимаешь – жизнь не вдалеке,
а где-то рядом, и об этом знаешь
уже всю жизнь... [...] (с. 23).

XX

Холодный вечер в тихом городке... [...] (с. 24).

Осенний вечер в скромном городке,
гордящемся присутствием на карте...

[...]

Здесь можно жить, забыв про календарь,
глотать свой бром, не выходить наружу
и в зеркало глядеться, как фонарь
глядится в высыхающую лужу.

(3, 28–29).

Пророчество: ¹³

XIX

Ты можешь дальше жить на берегу –
поближе к небу. Небо с облаками,
которые не тают на бегу,
которые потрогать лишь руками
не можешь ты, и ветер на беду
их гонит прочь у нас над головами,
стараясь навязать свою игру ¹³ [...] (с. 23).

Мы будем жить с тобой на берегу,
отгородившись высоченной дамбой
от континента, в небольшом кругу,
сооруженном самодельной лампой.

(2, 125).

Двадцать сонетов к Марии Стюарт:

XXI

[...] Но давит осторожность
иль страх, что утром, может быть, и век
не сможешь разлепить... [...] (с. 24).

[...] Портила не дрожь, но
задумчивость. Черт! Все не по-людски!
(3, 65).

Einem alten Architekten in Rom:

XXIV

...и тень земную снова видит глаз [...] В коляску – если только тень
(с. 25). действительно способна сесть в коляску [...] (2, 81).

Как видим, *Последнее путешествие Иосифа*, сочетающее признаки послания и группы текстов «in memoiam», содержит ритмические и стилистические отсылки к стихам Бродского, написанным 5-ст. ямбом.

Стихотворный размер составляет ту питательную среду, которая стимулирует процесс заимствования. Следующее стихотворение открывается

¹² Нарушен запрет на переакцентуацию.

¹³ Здесь возможный источник влияния – стихотворение Бродского *Облака*.

строкой, чья предикативная основа (она повторяется в начале финального катрена) воспринимается как цитата:

Я родился и вырос не там, где, наверно, умру.
 Отпусти же мне, волжский суглинок, грехи напоследок,
 чтобы вспомнить в другой географии эту траву,
 что горчит на губах и становится в памяти следом
 за неспешной водой... География в сумме вещей –
 лишь желание выжить, не сгинуть за облачным краем,
 поселившись однажды в империи, где без затей –
 затеряться среди поселенцев с имперских окраин.
 Океанский простор, птичий клекот и облачный край –
 дополнение к жизни истории, смысла к бумаге,
 новых карт к географии... Где там потерянный Рай?
 До которого выжить хватило бы сил и отваги!
 Я родился и вырос... и ты отпусти мне грехи!
 мне не выбрать уже ни страны, ни погоста, ни даты
 окончания перечня, чтобы закончить стихи,
 не сорвавшись до крика, с которого начал когда-то! (с. 48).

5-ст. цезурованный анапест в сочетании с темами судьбы, жизни и смерти, родины и чужбины вызывает ассоциации со стихами: *Стансы городу* («Да не будет дано / умереть мне вдали от тебя...»), *Письма к стене* («Сохрани мою тень. Не могу объяснить. Извини...»), «Время года – зима. На границах спокойствие. Сны...», *На смерть друга* («Имяреку, тебе, – потому что не станет за труд...»), «Я родился и вырос в балтийских болотах, подле...», «Я входил вместо дикого зверя в клетку...» (в двух последних ощутима инерция анапеста)¹⁴. Из топосов и мотивов Бродского присутствуют: вода, океан, облака, птица, крик, империя¹⁵, окраина, история, география, бумага, стихи. Узнаваемы метрические фрагменты, играющие роль прямых цитат, парафраз, реминисценций: «Я родился и вырос не там, где, наверно, умру» / «Да не будет дано / умереть мне вдали от тебя...» (*Стансы городу*; 1, 168) и «Все равно я сюда никогда не приду умирать» (*Письма к стене*; 2, 21), «География в сумме вещей» / «Впрочем, вряд ли. Изнанка вещей...» (*Памяти Геннадия Шмакова*; 4, 60), «мне не выбрать уже ни страны, ни погоста...» / «Ни страны, ни погоста / не хочу выбирать» (*Стансы*; 1, 209), «не сорвавшись до крика...» / «...не сорвись на глухой фистуле» («Время года – зима. На границах спокойствие. Сны...»; 2, 210).

¹⁴ Выход за пределы Бродского мог бы значительно расширить контекст, включив в эту семантическую группу, например, «Золотистого меда струя из бутылки текла...» Осипа Мандельштама, *Дом* («Этот дом для меня, этот двор, этот сад-огород...») Олега Чухонцева или ряд стихов из эмигрантской поэзии, написанных 5-ст. анапестом.

¹⁵ Строки «...поселившись однажды в империи, где без затей – / затеряться среди поселенцев с имперских окраин» отсылают к *Письмам римскому другу*: «Если выпало в империи родиться, / лучше жить в глухой провинции у моря» (3, 11).

Интересен пример парафразирования стихотворения с изменением метра и рифмовки, но сохранением архитектоники:

Не обвиняют разве что – в убийстве
и воровстве. Тюрьма, сума, разлука...
И с передачкой милая подруга
сближается со мной посредством мысли.

Мне скоро выдадут нагрудный полосатый
трехзначный номер – вызубрю на память,
чтоб если и разыскивать руками,
то не его, а свой пиджак измятый.

Я скоро стану поселенцем неба
и буду в облаках играть в пятнашки,
стирать – от скуки – грязные рубашки
и собирать в горсти остатки хлеба.

Я буду в тучах сторожить созвездья
и, может быть, мерцать одной из малых
неярких звезд, чтоб в мыслимых провалах
ночного неба – сообщить, что здесь я. Здесь я (с. 51).

Его возможный претекст – «Меня упрекали во всем, кроме погоды...»:

Меня упрекали во всем, кроме погоды,
и сам я грозил себе часто суровой мздой.
Но скоро, как говорят, я сниму погоны
и стану просто одной звездой.

Я буду мерцать в проводах лейтенантом неба
и прятаться в облако, слыша гром,
не видя, как войско под натиском ширпотреба
бежит, преследуемо пером.

Когда вокруг больше нету того, что было,
неважно, берут вас в кольцо или это – блиц.
Так школьник, увидев однажды во сне чернила,
готов к умноженью лучше иных таблиц.

И если за скорость света не ждешь спасибо,
то общего, может, небытия броня
ценит попытки ее превращения в сито
и за отверстие поблагодарит меня (4, 173).

5-ударный цезурованный дольник на основе амфибрахия трансформировался в 5-ст. ямб, а перекрестная рифмовка стала кольцевой. При этом число строк (16) и катренная схема не изменились. Сходны мотивный ряд и динамика мысли. Чрезмерность обвинения-упрека сменяется мотивами увольнения в отставку у Бродского и тюремного заключения у Драгунова. Местом обитания лирического «я» становится небо с его облаками, где можно прятаться от грома или «играть в пятнашки». «Под натиском ширпотреба» (Бродский) мягкий пиджак дополняется грязными рубашками (Драгунов), чье появление может быть мотивировано семантикой корневой морфемы в слове «пятнашки», производном от «пятнать» – «марать, грязнить». Там, в ночном небе, лирическому субъекту остается лишь «сторожить созвездья» или быть «просто одной звездой».

Стихотворение вырастает из мотивно-образной структуры чужого текста, о чем поэт скорее всего догадывается.

Не буду касаться вопроса о качестве стихов Андрея Драгунова – это дело критика. Интересней другое: готовность создавать тексты, в которых отчетливо слышен чужой голос. Его влияние объясняется не только тем, что чтение Бродского, как любого автора, входящего в канон, «дает человеку [...] возможность должным образом распорядиться своим уединением – уединением, итоговая форма которого есть столкновение человека со своей смертностью»¹⁶. Если этот человек еще и поэт, то Бродский способен поразить эстетической силой, которая складывается из богатой дикции, эрудиции, яркости стиля. Такому напору поэтической индивидуальности подсознательно хочется подражать. Удивляет не только верность Драгунова раз и навсегда избранной манере, но и продуктивность письма. Понимание того, что «если ты не пишешь, ты не существуешь»¹⁷, получает количественное подтверждение¹⁸. Сам поэт признавался, что всю жизнь пишет одно стихотворение. То, что этот свертхтекст похож на произведения Бродского, его не смущает, как не смущает нас сходство большого числа русских поэтических текстов со стихотворениями Александра Пушкина. А обещания соответствовать высокой художественной планке автор не давал. Перефразируя пушкинского Импровизатора, можно сказать, что мысль Драгунова выходит уже вооруженная ритмами, синтаксисом, лексикой Бродского. Чужая форма стала для нового поэта единственным и универсальным способом

¹⁶ Г. Блум, *Западный канон. Книги и школа всех времен*, Москва: Новое литературное обозрение 2017, с. 43.

¹⁷ В. Полухина, «Вектор в ничто»: интервью с Иосифом Бродским, [в:] она же, *Больше самого себя. О Бродском*, Томск: ИД СК-С 2009, с. 27.

¹⁸ В 2017 г. Андрей Драгунов подготовил и издал в электронном виде семь поэтических книг.

высказывания, сохраняющим признаки эстетического образца и стилистического шаблона.

Закономерен вопрос: чем это отличается от эпигонства? По сути, ничем, но эпигонство – болезнь молодых, а Драгунов начал публиковаться еще в начале 1990-х. Он освоил чужую поэтическую технику и стал ее воспроизводить, давно позабыв о том, кому обязан своим рождением. Потом начался процесс самоповтора. За четверть века манера Драгунова не изменилась, вряд ли изменится и его место в литературной иерархии.

References

- Bakhtin, Mikhail M. *Problemy poetiki Dostoevskogo*. Moskva: Sovetskii pisatel, 1963.
- Bloom, Harold. *Strakh vliyaniya: teoriya poezii. Karta perechityvaniya*, transl., comp., notes by S. A. Nikitin, Ekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta, 1998.
- Bloom, Harold. *Zapadniy kanon. Knigi i shkola vseh vremen*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017.
- Brodskii, Iosif A. *Sochineniya Iosifa Brodskogo: v 7-mi tt.*, ed. Ya. A. Gordin. Vol. 1–7, Sankt-Peterburg: Pushkinskii fond, 2000–2001.
- Dragunov, Andrei V. *Monologica: stikhotvoreniya*. Sankt-Peterburg: Gelikon Plus, 2002.
- Dragunov, Andrei V. *Ot avtora*. <https://www.netslova.ru/dragunov/>.
- Polukhina, Valentina P. *Grammatika metafory i khudozhestvennyi smysl*. In: *Bolshe samogo sebya...*: 177–212.
- Polukhina, Valentina P. “*Vektor v nichto*”: intervyyu s Iosifom Brodskim. In: *Bolshe samogo sebya. O Brodskom*. Tomsk: ID SK-S, 2009: 16–28.
- Venediktova, Tatyana D. “Kto boitsya Garolda Bluma”. *Inostrannaya literatura*, No. 5 (2018): 259–265.
- Zubova, Lyudmila V. *Forma ‘sut’ v poeticheskom yazyke Iosifa Brodskogo*. In: L. V. Zubova, *Poeticheskii yazyk Iosifa Brodskogo*. Sankt-Peterburg: LEMA, 2015: 5–20.